

М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Князь («Всеволод, в крещеньи Гавриил»)

«Я не хочу крошить по мелочам
священный хлеб отеческих преданий»
Вс. Рождественский

Рассматривая судьбу «Слова о полку Игореве» в русской литературе нового времени (XIX и XX вв.), характеризую его переводы и поэтические переложения, Лев Александрович Дмитриев писал: «Созданное в XII в. „Слово о полку Игореве“, как всякое замечательное творение человеческого гения, велико не только само по себе, но и тем влиянием, которое оно оказывало на русскую литературу во всем ее дальнейшем развитии».¹ Сказанное, однако, относится не только к «Слову» — ключевому тексту русской культуры, но ко всему, что для русского поэтического сознания стояло и стоит за «Словом»: к древнерусской литературе в целом. Имена многих святых, князей, воинов, названия городов, храмов для большинства писателей нового времени стали знаками-символами древнерусской эпохи и древнерусской культуры. В этом ряду свое место занимает псковский и новгородский князь, внук Владимира Мономаха, Всеволод-Гавриил. Умерший в 1138 г., он уже в XII в. считался псковским святым, покровителем города. Он — строитель Троицкого собора, куда в 1192 г. после открытия были перенесены его мощи. Сохранились сведения о том, что над гробницей князя был помещен его меч с латинской надписью: «*Non oget meum nemini dabo*» («Чести своей никому не отдам»)².

С именем Всеволода-Гавриила связан целый цикл произведений: Житие, Сказание о перенесении мощей, Повесть о чудесах.³ Время их создания пока неясно, но, как установил Н. И. Серебрянский, к XVI в. (1550—1552 гг.) относится Житие Всеволода-Гавриила, написанное Василием (иноком Варлаамом), вошедшее в Великие Минеи Четьи, а затем в Степенную книгу.⁴ В основу Жития (это отмечено уже В. О. Ключевским) легли летописные данные, однако автор включил в него много легендарных сведений.

¹ Дмитриев Л. А. «Слово о полку Игореве» и русская литература // Слово о полку Игореве. 2-е изд. Л., 1967. С. 69. (Б-ка поэта. Большая сер.).

² Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1836. С. 69—71.

³ См.: Охотникова В. И. Повесть о Довмонте: Исследование и тексты. Л., 1985. С. 158 (сноска 56).

⁴ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты. М., 1915. См. также издание «Жития Всеволода-Гавриила» инока Григория 1602 г. по списку XVII в.: Житие князя Всеволода-Гавриила и «Слово на обретение его мощей» / Подгот. текста и перевод с древнерусского В. И. Охотниковой. Псков, 1992.

Так, он отнес время княжения Всеволода к эпохе борьбы с Ливонским орденом и сделал князя «оборонителем и забралом граду Пскову от поганных немец». ⁵ Р. П. Дмитриева указала на заметное влияние двух других агиографических сочинений — «Жития Федора Ростислава Ярославского» и «Повести о житии Александра Невского» — на изображение личности князя Всеволода-Гавриила Василием-Варлаамом. Характеризуя его писательскую манеру, исследовательница пишет: «Используя традиционную схему житий, он переносит характеристики героев и даже просто целые отрывки текстов из одного жития в другое. В результате этого нередко рассказ о событиях оказывался искаженным. В житиях, написанных В(асилием), наблюдается скудость фактических сведений, текст распространяется за счет традиционных житийных формул и повторов». ⁶ Именно эта «скудость фактических сведений» позволила возникнуть позднему образу князя в культуре нового времени, и не Всеволода-Гавриила только, а древнерусского князя вообще: князя-воина, князя-мученика, князя — защитника отечества. Висящий над гробницей или будто бы положенный в нее меч Всеволода-Гавриила создавал почву для творения легенды вокруг его имени.

Настоящая статья — это попытка проследить на конкретном примере характер древнерусских литературных реминисценций в поэзии XX в., а именно на примере стихотворения Вс. Рождественского «Князь», посвященного Всеволоду-Гавриилу. Речь пойдет об изменениях литературного образа князя, сложившегося на основе летописных и агиографических текстов (Псковские летописи, Житие князя и Служба ему) в творческом сознании поэта, от времени создания первой редакции стихотворения (1922 г.) до его последних переработок (1939 и 1956 гг.), то есть о его литературной истории. ⁷ В мою задачу не входит определение степени соответствия этого литературного образа реальной исторической фигуре, и прежде всего потому, что сам автор не опирался на исторические данные и никогда сознательно не соотносил с ними свои стихи. Этим объясняются строки, вынесенные в эпиграф к настоящей статье. Важнее выявить другое: переключку с древнерусской литературной первоосновой не ориентированного на нее поэтического текста.

Контекст стихотворения, впервые напечатанного в 1923 г., ⁸ — это цикл из шести стихотворений под названием «Китеж». Стихотворение «Князь» завершает его. Позволю себе полностью привести его текст с восстановленной четвертой строфой (по автографу, вписанному в экземпляр первой печатной редакции, хранящийся в личном архиве поэта).

Князь

Сын Мстислава, княжич Мономаха,
Всеволод, в крещеньи Гавриил,
Туров бил, в бою не ведал страха
И на Чудь с товарами ходил.

Пели князю стрелы калёные,
Снился бой на Волховском мосту.
В Новгороде, у святой Софии,
Первым подходил он ко кресту.

⁵ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 248.

⁶ Дмитриева Р. П. Василий // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 112—116.

⁷ Краткое изложение этого сюжета см.: Рождественская М. В. Литературная легенда о псковском князе Всеволоде-Гаврииле // Археология и история Пскова и псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1987. С. 20—22.

⁸ Записки передвижного театра. Пг., 1923. № 56. С. 3.

Словно брагу, пил тугу и горе,
А когда пришла его пора,
Лег во псковском Троицком соборе
В раке из литого серебра.

Князь веками слышит литургию,
Чудеса творит — и в черный год
Хвойную дремучую Россию
Со свечой незримо обойдет.

Вот я Всеволодом назван тоже.
Дай мне быть, пока чиста свеча,
Хоть немного на него похожим,
Никому не отдавать меча.

В душный час моей последней муки
Дай мне сон и мирен, и глубок.
Положи в хладеющие руки
Черный византийский образок.

Хлебом и водой мне было слово,
Я любил, душа бежала зла,
И судить не станешь ты сурово
Бедного, как небо, ремесла.

Образный и стилистический строй стихотворения связан с темой «Китежа» в ее широком понимании: с темой родины, Руси, ее исторического прошлого, ее «вечных» культурных ценностей, исчезающих и постоянно возвращающихся как источник поэтического вдохновения.⁹ С миром Китежа у Вс. Рождественского связано имя А. Блока, которого он в одном из писем 20-х гг. назвал «лебединая совесть последних лет, закат Петербурга и татарская синяя Русь»¹⁰ и памяти которого посвятил одно из стихотворений цикла, датированное августом 1921 г. и заканчивающееся строками: «Пей до дна! А Всеволода-воина/ Без тебя запишут в поминание». Псковский князь Всеволод-воин, чье княжеское имя поэт носил, становился символом китежской темы, темы России с ее древнерусским прошлым, пронизывающей все последующее творчество поэта. В цикле присутствует еще одна псковская реалья: «Белый (*вар.:* мшистый) кремль за рекою Великой». Следует отметить, что тема Пскова как города русской старины не оставляла Вс. Рождественского и позднее. И когда в мае 1930 г. он писал своему корреспонденту о впечатлении, произведенном на него реальным городом, то за этим впечатлением, несомненно, вставал и Псков легенды, Псков — символ крепости и устойчивости русской жизни: «Псков — чистый, тихий, насквозь мещанский городок. Дом со ставнями; за деревянными, почерневшими от времени заборами — березки, липы, яблоневые ряды. В каждом окошке либо горшок с цветком, либо самовар — и уж обязательно в глубине комнаты гора белых подушек и рамочки над комодом. У ворот — кумушки, дети, дремлющие на солнце псы. В конце каждого переулочка обязательно церковь — вся белая, в строгих простых линиях со сквозною звонницею на заросшем травой дворе. Все это чрезвычайно уютно, укладисто, просто по-домашнему и во многом напоминает арбатские переулки. Зодчество: все здесь рассчитано на укладистую неторопливую жизнь, все определяется образом купеческого семейственного сундука, где хранятся вековые, от отца к сыну идущие обычаи. Крепкими каменными укладками кажутся эти церквушки с луковичной головкой на опеночной шее, эти палаты и

⁹ Об этой теме см. статью: Рождественская М. В. Мотив «града-Китежа» в поэзии Всеволода Рождественского // Slavica XXIV. Annales Instituti Philologiae Slavonicae Universitatis Debrecen, 1990. С. 233—243. Там же новейшая публикация цикла, и в частности стихотворения «Князь» по редакции 1922 г.

¹⁰ Письмо к Э. Ф. Голлербаху 1925 г.: ОР ГПБ, ф. 644, № 73.

склады, эти выщербленные временем стены. И еще похожи псковские церкви на крепкие грибы-боровики. Они выросли прочно в землю и греют на солнце крутые гладкие бока — точь-в-точь купеческая красавица, которую и ущипнуть-то трудно, до того она пышнотела и упруга! Никакой торжественности, никакой строгости нет в псковском архаизме. Псковичи — великие мастера белого мелового пространства, прямого угла и соотношения линий. Каждую церковь — какого-нибудь Сергия с Залужья — хочется поставить на ладонь, прикинуть на вес — и выйдет ровно столько, сколько надо».¹¹

Первая редакция «Князя» четко делится на две части: первые четыре и следующие три строфы. Четвертая строфа, снятая позже автором, выявляла агиографическую окраску в образе князя и следовала житийной традиции описания посмертных чудес, связывая легендарное прошлое с неизвестным будущим России: князь, который «в черный год / Хвойную дремучую Россию / Со свечей незримо обойдет», был символом этой связи. Следующие три строфы через имя «Всеволод» включают в стихотворение тему Поэта, оружием которого служит Слово, как оружием князя — меч. Понятия «слово» и «меч» в свою очередь соединены образом горящей свечи, зажженной князем, и, «пока чиста свеча», есть источник вдохновения для поэта.

Двухчастная композиция стихотворения выдерживается и в теме смертного сна, она как бы приравнивает поэта к князю, лежащему в «раке из литого серебра», и позволяет реализовать тему в агиографическом плане для самого автора: «Положи в хладеющие руки / Черный византийский образок». В первой редакции 1922 г. образ поэта приближен к образу князя — святого и уже потом воина. Итак, символы Всеволода — князя и святого — это меч, бой, упомянутый дважды («в бою не ведал страха», «снился бой на Волховском мосту»), крест, свеча, захоронение в соборе. Символы Всеволода-поэта — меч как слово, образок (параллель кресту) и также подразумеваемый бой («Никому не отдавать меча»). Ключевое понятие стихотворения в целом — это меч. Многие годы спустя, в 1966 г., Вс. Рождественский в частном письме вспоминал о появлении замысла стихотворения «Князь» в связи с увиденным иконописным изображением святого: «Я должен рассказать Вам небольшую легенду, вернее, случай, достойный стать легендой. Когда мы были в Новгороде, нам кроме замечательного музея древнерусской живописи удалось посетить и музейные фонды. Там, в запасах, обнаружилось такое богатство икон новгородского письма XVI—XVII вв. и более раннего периода, что мы бродили, как очарованные. Какие краски, какое изящество композиций! Уже уходя, я, по какому-то непонятному инстинкту, остановился перед рядом перевернутых изображением к стене икон и повернул одну из них к свету. Это был кн. Всеволод-Гавриил, строитель Троицкого псковского собора в Кремле. Встреча с моим „предком“ была столь неожиданной, что все мы буквально замерли... (...) заставили меня тут же прочесть на память стихи давних

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 1458 (Е. Я. Архиппова), оп. 1, № 74, л. 75—75 об. Ср. стихотворение 1965 г. «Зодчество»:

Великий Новгород и древний Псков,
Нас от врага спасавшие твердыни —
Вот что в искусстве старых мастеров
Пленяет нас и радует поныне.
Был точен глаз их, воля их крепка,
Был красоты полет в дерзанных отчих.
Они умели строить на века.
Благословим же труд безвестных зодчих!

Цит. по: Рождественский Вс. Стихотворения. Л., 1985. С. 269. (Б-ка поэта. Большая сер.).

лет, относящиеся к этому защитнику Пскова и Новгорода, облика которого я никогда не видел прежде. Только в гимназической юности посетил я его гробницу в псковском кремле и запомнил, что над ней видел меч ливонской работы, отбитый князем в бою. На нем была латинская надпись: „Glaudem teum nemini dabo“, что значит „Меча моего никому не отдам“. По этому поводу и возникли стихи» (Личный архив Вс. Рождественского). Вс. Рождественский привел надпись на мече неточно; правильно: «Чести своей никому не отдам». Думаю, что в контексте разбираемого стихотворения эта неточность не столь уж важна. С мечом в Древней Руси отождествлялась княжеская честь,¹² да и сам поэт («Никому не отдавать меча») в своем девизе явно отождествляет эти понятия.

Применительно к псковской действительности XIII в. меч приобретал конкретное значение. В исследованной В. И. Охотниковой «Повести о Довмонте» мы встречаемся с обрядом благословения на бой мечом: «Довмонт, войдя в церковь, кладет свой меч перед алтарем, совершает молитву, затем игумен Сидор и весь „иерейский чин“ опоясывают Довмонта мечом и благословляют на бой»¹³ (ср. библейское выражение «опоясаться крепостью, мужеством»). «Торжественность ритуала, — пишет далее В. И. Охотникова, — и его описания с внесением этого элемента не разрушается, вся церемония приобретает воинский колорит. Нам неизвестны древнерусские произведения на воинскую тему, в которых упоминалось бы о благословении на бой мечом. Возможно, благословение мечом является отражением реального обряда, существовавшего во Пскове. Псковичи находились в тесных контактах с западными соседями, вполне вероятно, были знакомы и с рыцарскими обычаями».¹⁴

Во всяком случае, меч князя Всеволода-Гавриила поразил когда-то воображение поэта и дал толчок появлению стихотворения. Другое его ключевое понятие, соотнесенное с мечом, — слово: «Хлебом и водой мне было слово». Оно превращает стихи в поэтическое размышление о месте поэта, о его предназначении. «Князь» — это стихотворение о роли «бедного, как небо, ремесла» в окружающем мире, и в этом отношении слово уподоблено княжескому мечу у его широком ритуальном значении. Евангельская метафора слова как хлеба, как духовной пищи¹⁵ реализована Вс. Рождественским и в других стихах разного времени и при этом всегда связана с темой русской истории и русской культуры: «В родном искусстве и на их дрожжах / Восходит нас питающее тесто» («Зодчество»)¹⁶. Слово это — поэтическое, а значит, окрашенное творческим воображением поэта: «Но как забыть, что был и черств и горек / Хлеб прошлого! Кроши его, историк, / И замеси на вымысле, поэт!» («Ночной пешеход»). В одном из уже последних стихотворений 1977 г. «меч» и «слово» вновь соединились в единый образ: «Знаю только, что дедов и прадедов речь, / Сохранив их живые дыханье, / Мне дана, как когда-то наследственный меч / Завещался сынам в достоянье» («Родословное древо? Оно у меня...»).

В 1939 г. в сборнике «Окно в сад» появляется новая, вторая редакция стихотворения. В ней тема меча, неперенного атрибута образа князя,

¹² О символике понятия «меч» в феодальной Руси см., например: Лихачев Д. С. 1) Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950; 2) «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 168—170.

¹³ Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. С. 153.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: у Н. Гумилева: «Оттого, что Господне слово / Лучше хлеба питает нас». Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 234. (Б-ка поэта. Большая сер.).

¹⁶ Цит. по: Рождественский Вс. Стихотворения.

разрастается до темы воинской доблести, защиты родины и гибели за нее. «Меч» и «слово» поставлены в общий ассоциативный ряд. Во второй редакции агиографическая и воинская характеристики князя не слиты, как в первой, то есть не совпадают с древнерусским житийным образом князя-воина, а противопоставлены друг другу. Особенно четко это противопоставление выражено в тексте издания 1956 г., являющемся вариантом редакции 1939 г.:

Бился князь с ливонскими волками,
И за каждую родную пядь
Меч его — отточенное пламя
В грудь врага входил по рукоятъ.
А когда под пенье литургии
Мертвого в ладье его несли,
Слышал он не колокол Софии —
Звон кольчуг и ратный гул земли.
Не молитвой жил он, а любовью
К луговинам и лесам родным,
И горячий, освященный кровью
Меч в гробницу положили с ним...¹⁷

«Колокольный звон» первой редакции противопоставлен «ратному гулу», молитва — любви к «лесам родным». Однако в этой редакции остается слово «литургия», важное своей смысловой нагрузкой. Оно удерживает связь образа князя с образом житийного героя. Во второй редакции снимается и тема смерти для самого поэта. Вместо «черного византийского образа» он просит у своего небесного покровителя: «Дай мне сталь и мужество героя, / В грудь любовь и ненависть вложи», как вкладывают тот же меч. В этой редакции сближение образа князя с образом поэта происходит и на лексическом уровне:

«КНЯЗЬ»

И за каждую *родную* пядь...
Не молитвой жил он, а *любовью*
К луговинам и лесам *родным*...

«ПОЭТ»

За *родные* сердцу рубежи...
В грудь *любовь* и ненависть вложи
Для народа, навсегда *родного*.

Тема слова как главного оружия поэта во второй редакции звучит гораздо более декларативно, чем в первой, а потому неубедительно: «чтоб всегда дышало правдой слово» вместо «хлебом и водой мне было слово». Впоследствии автор сам почувствовал это и в издании 1956 г. эту строфу убрал. Житийная характеристика князя из второй редакции почти уходит, а внимание поэта переносится на воинскую доблесть героя. Между второй редакцией 1939 г. и изданием 1956 г. с небольшими вариантами существовал еще текст, записанный Вс. Рождественским в одну из фронтовых тетрадей 1942—1943 гг. (находится в фондах ГЛМ в Москве). Небольшие разночтения с редакцией 1939 г. вызваны тем, что автор во время Великой Отечественной войны по памяти восстанавливал многие свои ранние стихи — в этой тетради почти нет новых. Незадолго до смерти в 1977 г. Вс. Рождественский подготовил три тома будущего собрания сочинений, которое осталось в его личном архиве в виде авторизованной машинописи. В ней поэт восстановил первоначальную редакцию стихотворения о Всеволоде-Гаврииле и вернул ему название «Князь».

Итак, поэтическая характеристика князя Всеволода-Гавриила у Вс. Рождественского оказывается близкой не только агиографической, но и соотносится с летописной двухчастной княжеской похвалой-некрологом, где обычно князь одновременно «святой» и «воин», причем «воинская» тема усиливается по мере позднейшей переработки стихотворения. Переработка

¹⁷ Рождественский Вс. Стихотворения (1920—1950). М., 1956. С. 180.

эта была вызвана, скорее, внелитературными причинами, она упрощала смысл стихотворения и образ главного героя, и в конце своего творческого пути поэт от нее отказался.

Изначально в стихотворении Вс. Рождественского угадан особый, «псковский вариант» представлений о «благом» князе, позднее на примере псковских летописных и агиографических сочинений выделенный В. И. Охотниковой. Рассматривая обязанности псковских князей, она отметила защиту псковских земель и роль князя как предводителя войска в этой защите: «...псковские представления об идеальном князе, сложившиеся в обстановке пограничного города, в условиях, когда князь в политическом устройстве Пскова выполнял практически функции полководца, породили своеобразные приемы изображения событий и центрального героя».¹⁸ Стихотворение Вс. Рождественского, как и летописная княжеская похвала, двухчастно. Параллель «князь-воин» и «князь-святой» в первоначальной редакции 1922 г. сменяется в редакции 1939 г. параллелями «князь-воин» и «поэт-воин», внимание автора переносится с князя на поэта, причем связующими звеньями этих двух частей в стихотворении служат имя «Всеволод» и основные образные понятия «меч» и «слово». Так тематически связанная с историческим материалом поэзия нового времени предпочитает «священный хлеб отеческих преданий» конкретным реалиям и приобретает на этом пути художественную убедительность.

¹⁸ Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. С. 155. Автор приводит известную похвалу Всеволоду в Лаврентьевской летописи, где отмечается, что он «не туне меч носит» и «много мужествовав и дерзость имев, на бранех показав» (С. 145—146).